ЧУМАЦКИЙ ШЛЯХ

Младенец Геракл так сильно проголодался, что, припав к груди Геры, причинил ей нестерпимую боль. Гера оторвала его от груди, и молоко брызнуло на небесный свод — так возник Млечный путь, который сверкает мириадами звезд на нашем ночном небе. Теперь мы, разумеется, знаем, что Млечный путь — это ребро нашей гигантской галактической линзы, несущейся Бог весть откуда и куда в беспредельном космическом пространстве.

Мы редко смотрим на небо и еще реже вспоминаем миф о происхождении Млечного пути, скованные ежечасно и ежеминутно земными заботами. Земных забот, надо думать, было предостаточно и у чумаков. Само их занятие, соляной извоз, было вызвано этими заботами. Оно и понятно: мы и теперь без соли ни на шаг. И не только потому, что соль сохраняет от порчи многие продукты. Наш организм включает в себя соль как необходимый элемент жизнедеятельности. Да и просто без соли многое из того, что мы едим, невкусно, а то и вовсе несъедобно. Чумаки доставляли из Крыма самосадочную соль в северные губернии, везли ее возами, везли долго по широкому Чумацкому шляху, погоняя неторопливых волов и батогами, и песнями. Это была работа. Но, как и во всякой работе, бывали в чумацкой жизни часы покоя, часы отдыха, когда они выпрягали волов, отпуская их пастись на придорожные травы, варили на кострах свой традиционный кулеш и вели долгие беседы о житье-бытье, да о том, что творится на земле и в небесах. Крепкие, прошедшие огонь и воду мужики, добрые хлопцы, умеющие и воз сладить, и подставить крутые плечи под многопудовый груз, и песню спеть, и рассказать байку. Должно быть, в такие часы покоя и отдыха у ночных костров и родилось сказание про небесный Чумацкий шлях, про звездного брата земного пути, проложенного через привольные таврические степи, сказание о том, что и там, на небесах, тоже есть трудяги-чумаки, что и они возят соль из поднебесного Крыма на ридну нэньку Украину, что и за их возами-мажарами стелется просыпанная по балкам и косогорам сверкающая кристаллами соль, обозначая звездным сиянием заоблачный Чумацкий шлях. Широкой душе нужны не только земные заботы, но и небесные, не только земной путь, но и небесный. И вообще такова природа всех наших земных дел — быть отраженными на небесах, — без чего они и не завершены, и малого стоят. Словом, назвали чумаки Млечный путь Чумацким шляхом. И так это хорошо, значимо, ибо земное возведено в ранг небесного, реальное — в ранг сказочного, тяжкий труд и пот — в ранг звездного и песенного. Не из гордыни возведено, а из осознания сопричастности человеческого труда промыслу Всевышнего. Добро ведь едино, оно творится и нашими стараниями.

А теперь окунемся в историю и посмотрим, откуда есть пошла доля чумацкая. История очаровывает своей древностью. И чары ее испытали на себе многие — и ученые, и сказители, и поэты. Она вошла в предания и культуру народов россыпью блистательных самоцветов, связала воедино века и тысячелетия, укрепила душу и мысль откровением, возвышающим нас над обыденностью и суетой: мы — люди, унаследовавшие трудолюбие и дружелюбие наших предков, а не прах на ветру сиеминутности. У нас у всех соленая кровь...

Соль в Крыму добывали давно — самосадочную, из озер. Человеческие поселения у крымских соленых озер археологами датируются V–III тысячелетиями до нашей эры. Чем ближе к нам, тем больше становится таких поселений на Перекопском перешейке, близ нынешней Евпатории и на Керченском полуострове. Письменные источники свидетельствуют о

том, что в X веке нашей эры крымской солью пользовалась Византия. Греки засаливали рыбу в Пантикапее, Херсонесе, Керкинитиде. А в XIV веке за солью в Крым приезжали купцы со всей Руси, а также купцы польские и литовские, о чем с крымскими ханами заключались соответствующие договоры, например, с Иоанном III, Сигизмундом-Августом.

Чумаки — профессиональные возчики соли и рыбы из Крыма — появились в XVI веке. Почти два века усердно трудились они, обеспечивая солью не только южные губернии России, но и Московскую, Нижегородскую, Минскую, Белорусскую, Литовскую. Чумацкие обозы или ватаги состояли, как правило, из десятков возов, запряженных парою, четвернею, а то и десятком волов. Были даже такие гигантские возы, в которые впрягали по пятнадцать-шестнадцать пар волов. Но тогда и грузили на такой воз не 100 пудов соли, как на обычный, а 700 пудов! Народу в таких ватагах или караванах набиралось много, потому что и дел было много: хозяин воза, погонщик быков, грузчики, кузнецы, плотники (возы в дороге, случалось, ломались и их надо было чинить), торговцы и владельцы товаров (обозы в Крым отправлялись не порожняком — сюда везли кожу, оружие, металл, хлеб, полотно, украшения, мед и всякую всячину, которая пользовалась спросом на Армянском Базаре — так называли тогда нынешний Армянск). Кроме того, кому-то надо было готовить для ватажан пищу, выпасать на стоянках волов, следить за порядком в ватагах, обеспечивать их безопасность. Более всего ценились, конечно, сильные и работящие парни: ведь соль на озерах чумаки добывали сами, сами грузили ее в телеги, сами взвешивали на весах у Перекопских ворот. Кстати, взвешивание возов было делом довольно трудоемким: телегу ставили на одну площадку весов, а на другую чумаки собственноручно таскали двухпудовые гири. Сколько весил воз с солью, столько надо было и гирь перетаскать. Здесь же, у Перекопских ворот, взималась с чумаков пошлина. Для определения величины этой пошлины возы и взвешивались. Велика ли была эта пошлина? Давайте вчитаемся в послание Перекопского каймакана (уездного начальника) к кошевому Войска запорожского. Каймакана, подписавшего это письмо, а звали Аблам-Муртаза-Ага, кошевого — Филипп Федоров. Письмо датировано 1764 годом. Вот оно: «Всем проезжающим в Крым великорусским и малороссийским купцам и ватажанам (караванщикам), а особливо Войска запорожского казакам через сие объявляется: по общему в Коше Войска запорожского приговору на той стороне Днепра, на турецкой стороне, на речке Белозерке мост, который прежде сего был в Лясах, вновь к безнужному всем проезжающим через оной проходу построить и получать с оного приход на войско определенно. Для собрания которого шафарем казак куреня Каневского Петро Носенко выбран и определен, который со всех проходящих через этот мост (кроме турецких людей) имеет взимать платеж по нижеописанному, а именно: от ватажских караванских возов по 10, от соли с запорожских казаков с четверни по 8, а с паровицы по 4, от порожних: с четверни по 3, а с парового по 2 копейки. С малороссийских ватажанских возов с солью: от четверни по 10, а с паровицы по 6, порожних возов от четверки по 5, а с парови-

цы — по 3 копейки. Ежели же кто в провозе соли не иметиметь ко уплате денег, то, как с запорожских казаков, так и с малороссиян от четверного воза с солью по полпуда соли, а с паровозного — 1/4 часть пуда. 24 августа 1764 года». Эти пошлины взимались, как сказано в послании, у моста на Белозерке. При переезде же через Перекоп бралась своя пошлина — по 70 копеек с любого воза (эта пошлина называлась «баштовой» и бралась дважды — при въезде в Крым и при выезде из Крыма). Кроме того, чумаки платили за самое соль — 4 рубля за воз весом в 112 пудов плюс 1 рубль у Перекопских ворот. Продавалась же соль по цене от 70 до 90 копеек за пуд. Словом, «навар» был вполне приличным — на одном среднем возу чумак зарабатывал до 90 рублей. Только на перевозке соли. Но если учесть, что в Крым доставлялись товары для продажи, о которых уже говорилось выше, то заработок чумака по тем временам был не хуже, чем у людей других профессий. Правда, работа эта была весьма своеобразной — долгое время в дороге, на возу, а во время ночных стоянок — у костров, в степи. Сами готовили себе пищу, сами организовывали свой досуг. Поэтому очень ценились повара, певцы, рассказчики. Умели и любили петь почти все, а вот рассказчиков всегда не хватало, их искали, брали в ватагу только за одно умение рассказывать всякие истории, были и небылицы. Часто с чумацкими караванами путешествовали кобзари.

В поход чумаки собирались загодя, готовили возы, волов, упряжь, вели обстоятельные и бесконечные переговоры с другими ватажанами, выбирали своих вожаков, запасались продуктами и одеждой, приобретали товары для продажи на Армянском Базаре или подряжались у заводчиков и купцов. А до выхода каравана вели обычную крестьянскую жизнь — пахали, сеяли, жали, молотили. Чумаковать отправлялись раз в году, под осень, когда в соленых крымских озерах созревала соль. Не всегда урожай соли бывал хорошим. Случались годы, когда ее и вовсе не бывало на озерах — из-за холодного и дождливого лета. Поэтому и ждали каждый год с нетерпением известий из Крыма, послание от каймакана.

В год, о котором мы уже упоминали (1764) от Перекопского каймакана в конце июня пришло такое волнующее известие: «Благодарение Аллаху, Его святым произволением, сего году, уже выстояние свое сделав, соль произошла обильно противу прошедшего году: как обычай, села хорошо. Да и притом же воды и травы в Крыму, также и на пути везде обильно, так что очень спокойно ныне для чумаков, а для скота кормов достанет... Причём прошу в незамедлении чумаков присылать за солью».

И тогда по всему чумацкому пути прошел как бы один голос: «Грузиться! В дорогу!» Грузили на возы товары для продажи и продукты для себя — сало, крупу, муку. Прощались с женами и детьми — на месяцы расставались, уходили в чужие края, молились в церквях угодникам, ставили им свечи, просили о подмоге, и трогались в путь до зари, по холодку.

Соль ждала чумаков в трех местах: в озере Геляль-Гель (озеро Старое севернее Красноперекопска), в девяти озерах близ Гезлева (Евпатории) и в озерах Шейх-Эли и Кояш на Керченском полуострове.

Сентябрь в Крыму — время жаркое, сухое. У соляных же озер и степь раскалена, и соль, что сверкает огромным розоватым зеркалом на месте выпарившейся воды. Соль эту ломают кирками, сгребают мотыгами и лопатами, свозят на тачках в бурты, а уж потом подгоняют к этим буртам возы. Ослепительное солнце, жара, соль, постоянная жажда. Но и праздник — вот она, соль, чистая, сухая, приносящая если не богатство, то достаток...

Возы нагружены, волы тронулись, напрягая спины. Теперь надо следить за колесами, смазывать оси и ступицы дегтем (ведь груз-то ого какой!), да хорошо поить и кормить волов — не дай Бог захворают, ослабеют... Ватаги за Перекопом снова собираются в караваны, будто журавлиные клинья на перелете, идет перекличка, ведутся новые переговоры — кто куда повезет соль, в какие дальние края, за какую цену. С Крымом расстаются без печали, хотя и спасибо ему, этому дивному Крыму, этой странной земле, что родит из себя не хлеб, не буряки да капусту, а соль — есть ее ложкой нельзя, но и без нее любая ложка покажется невкусной.

Поехали! Цоб — цобэ, цоб-цобэ, поехали! Эх, добро тому, хто в дорози — спыть соби на вози...

В прошлом веке из Крыма ежегодно вывозились десятки миллионов пудов соли. Богатели купцы, чиновники, казна. И не только за счет Сиваша и солнца, хотя именно они являются главными создателями соли. Богател торговый и чиновный люд за счет тех сотен трудяг, рабочих соляных промыслов или ломщиков соли, которые в июле толпами стекались в Армянск, чтобы наняться здесь на работу. Еще их называли тафетчиками. Каждая копейка доставалась тафетчику изнурительным трудом. Рабочий день ломщиков соли длился, как правило, 16–17 часов. Тому, кто хочет узнать поподробнее о жизни рабочих соляных промыслов, советую прочесть рассказ Максима Горького «На соли» — это в первом томе его собрания сочинений. Рассказ написан не только очевидцем, но и настоящим ломщиком соли, которым был в свое время писатель. Я же лишь коротко скажу о том, что рабочие соляных промыслов Крыма часто спали под открытым небом, иногда в шалашах. Только в нашем веке на соляных промыслах Евпатории и Керченского полуострова стали строить для рабочих бараки, где уставшие за день люди спали на нарах, на голых досках, где не было ни умывальников, ни баков для кипячения воды, ни кухонь, ни туалетов — словом ничего, кроме крыши над головой. Рабочие говорили: «Потому и соль горька, что работа тяжка».

Ежегодно Крыму требовалось до трех тысяч ломщиков соли. В основном ими становились крестьяне из соседних с соляными озерами степных сел. Ломка и выволочка соли начиналась в июле и заканчивалась в октябре, порою даже в ноябре. Иными словами, соль брали до осенних дождей. На этой работе крестьяне зарабатывали больше, чем на своей земле, потому и соглашались на заведомо каторжную жизнь. Тафетчики тоже знали эту поговорку: «Добро тому, хто в дорози — спыть соби на вози». Но вкладывали в нее свой смысл: спали они в тесных и душных бараках или в шалашах, спали мало, а трудились от зари до зари, часто стоя по колено в воде и

беспрерывно работая бешпармаком — пятипалыми вилами с железными наконечниками, которыми срывали со дна соляной пласт, или, гоняя безостановочно к берегу по доскам настила пятипудовые тачки, — так свозилась в бурты соль. В июле, августе, да и в сентябре над солеными озерами стоял сорокаградусный зной. В небе ни облачка, кругом горячая соленая вода, пот льется ручьями, рапа разъедает руки и ноги, отчего образуются незаживающие и болезненные язвы. Докторов поблизости нет, нет специальной одежды — у большинства рабочих руки и ноги обернуты тряпьем. Проклятая жизнь... Зато крепость Перекоп веселится, для нее с началом вывоза соли наступали золотые дни — чумацкие гроши целое лето со звоном сыпались в чиновничьи широкие карманы. В крепости что ни день, то балы, обеды, прогулки с музыкой и песнями, богатые пиры, о которых молва разносилась по всей России. Чумаки и разносили ту молву. Гуляли летом и в Армянске — торговцы гуляли, посредники по найму рабочей силы, а в праздничные дни — и сами тафетчики спускали свои тяжким трудом заработанные рубли в кабаках и игорных притонах...

Теперь несколько слов о том, как вырастает соль, скажем, в Сиваше. Приезжающие в Крым через Чонгар так часто видят его, этот Сиваш, видят градирни, видят соль, но не всегда знают, как же она появляется. А происходит это так: разгораживают акваторию Сиваша невысокими плотинами на клетки или градирни, запускают в них во время высокой воды рапу, потом эти градирни запирают и дают рапе выпариться под жарким летним солнцем. Если лето очень жаркое и рапа выпаривается быстро, шлюзы открывают и добавляют в градирни новую порцию соленой воды. В середине лета из рапы на дно Сиваша начинает осаживаться соль. Сначала рапа как бы густеет, в ней образуются комки студня, который называют «салом», потом это сало твердеет и отлагается на дне слоем в виде мелких кристаллов. Когда слой соли становится достаточно толстым, воду спускают. Чаще же ей дают выпариться совсем. Но можно ломать бешбармаком соль и под водой, что и делалось на озерах, на которых градирни не строились. Первый признак того, что соль в озере пошла хорошо — покраснение воды. Богатая солью рапа, из которой начала выпадать соль, приобретает розоватую окраску. Это самый торжественный момент для соледобытчиков, как обильное цветение сада для садоводов. Толщина выпавшей в осадок соли бывает разной, иногда она доходила до двух вершков.

Почти во всех крымских соленых озерах можно добывать соль. Но самой лучшей, самой качественной считается соль из Старого озера, а после него — из Красного. Местные жители говорят, что если для засолки обычной солью необходимо полтора пуда, то красной или старой соли для такой же засолки понадобится меньше пуда. Они называют соль из Старого и Красного озер крепкой и вкусной, а всю прочую — слабой и аптечной. А вообще-то соленых озер в Крыму много. Их общая площадь в начале нашего века составляла 60 тысяч десятин. Большая часть их расположена в южной части Перекопского перешейка в прибрежной полосе: Красное, Старое, Карлеутское, Киятское, Круглое... Они образовались из обмелев-

ших морских заливов. Мели и наносы отделили их от моря, но и теперь в сильный шторм волны перекатываются через пересыпи и наполняют озера.

Отлогие берега Сиваша и соленых озер в летнюю пору покрываются широкой полосой соли, которая проламывается и хрустит под ногами, как снежный наст. Прибрежные солончаковые земли пустынны, на них растет полынь, а поближе к воде — зеленый и красный солерос или солянки, мясистые и солоноватые на вкус растения, которыми, говорят, любят лакомиться верблюды. Кое-где по берегам попадаются островки камышовых зарослей. В таких местах под почвой всегда можно обнаружить пресную воду или, как говорят местные жители, сладкую воду. На самом деле, обычная пресная вода в сравнении с рапой кажется сладкой. Чабаны выкапывают в камышах копанки, чтобы поить из них скот, или криницы. К этим криницам по вечерам прилетают кулички, утки, журавли...

В полуденную пору в районах соленых озер можно увидеть мираж. Чаще всего это вода, деревья, неведомые селения, дивные замки. Но это только мираж, потому что степи безжизненны и пустынны...

Так все это было. И кончилось, когда пошли по Азовскому и Черному морям корабли, а по земле протянулись железные дороги. Пришла цивилизация, а с нею и конец чумацкому промыслу, чумацким ватагам. Зарос травой-бурьяном Чумацкий шлях, но только земной. А тот, небесный, Чумацкий шлях продолжает сиять тысячами и тысячами звезд.

Симферополь.1993.